

ОПЯТЬ ОБ ЭТОМ? ОПЯТЬ ОБ ЭТИХ?

Давайте приоткроем дверь и заглянем в подземный мир Якоба Литтнера...

Якоба Литтнера, торговца марками в маленьком филателистическом магазине тогдашнего, довоенного Мюнхена, «толстого, задыхающегося мужчины» (каким он сам увидел себя в зеркале при первом аресте), довольного своим тихим существованием — и вдруг брошенного в чудовищные, смертельные лабиринты времени...

В мир и жуткую одиссею Якоба Литтнера, которую он должен был пройти лишь по одной причине. По ЭТОЙ.

«...Я написал о «положении евреев в Германии», и на бумаге эти слова вновь кажутся мне чуждыми и искусственными. Что это значит: положение евреев? Я не чувствую своей принадлежности к какой-то особой и чуждой группе немецкого народа. В течение пяти лет национал-социалистического господства из меня безуспешно пытались воспитать «расово сознательного» еврея. В 1933 году, когда все естественно сложившиеся отношения были подвергнуты проверке и исправлению в соответствии с категориями расовой теории, я обнаружил, что среди моих друзей и знакомых были исключительно неевреи, хотя я этого прежде как-то и не замечал. Некоторые из друзей за это время отвернулись от меня, еврея, другие же сохранили верность и

по возможности проявляют по отношению ко мне еще более дружеское расположение, чем прежде. Сам же я считаю себя таким же человеком, как и все прочие. Я гражданин, налогоплательщик, я люблю определенный комфорт, я не преступник. Вся эта пропаганда, клеймящая меня как представителя определенной разновидности человеческого рода, к которой я принадлежу по факту рождения, несомненно представляет собой чудовищное заблуждение», — так — еще удивленно — отмечает в начале своего дневника Якоб Литтнер то, что начало происходить с ним и с такими, как он.

Да, Якоб Литтнер — герой повести замечательного писателя Вольфганга Кёппена «Записки Якоба Литтнера из подземелья», впервые выходящей на русском.

С этой повестью — одна фантаσμαгория.

Она вышла в Германии еще в 1948 году под именем Якоба Литтнера, якобы рассказавшего о пережитом некоему молодому издателю. Такие истории знает литература: вспомним хотя бы пушкинские «Повести Белкина». Но здесь — другая история. Знаменитый немец Вольфганг Кёппен (я, например, полюбил его после «Смерти в Риме») признался в авторстве лишь спустя 43 года. В начале девяностых, незадолго до своей смерти.

Почему он так поступил? Зачем? Кто сейчас узнает...

Но когда я читал эту поразительную вещь, то честно, думал об иной фантаσμαгории. Той, которой мы с вами свидетели.

Да, слышу, слышу сейчас голоса: опять об ЭТОМ? Опять об ЭТИХ? Может быть, довольно, хватит, сколько можно...

Помню, помню, с какой жадностью на заре перестройки хватались мы за все, что писалось о нашем страшном: от Солженицына до Шаламова. От истории великого Михоэлса до неизвестного Бориса Слуцкого. Как нам хотелось узнать правду о себе, о собственной стране, о прожитой боли поколений наших родителей, о поруганных стариках, об уничтоженных нациях. Обо всем, обо всем...

Может быть, подобная жадность к знаниям, прикосновение к страшным тайнам истории собственной страны — думали мы тогда (или думали, что думаем) — позволит нам избежать ошибок в будущем и наконец жить по-человечески.

Узнавали, узнавали — и вдруг замерли, подобно тому, как останавливается бегун на дистанции, чувствуя, что не хватает дыхания.

Хватит! Все, хватит!

Говорю даже не об истерических криках: «очернительство», «предательство идеалов», «уничтожение ценностей» и т.д. и т.п.

Нет, дело, мне кажется, даже в другом: сами устали от знаний, вдруг свалившихся на нас. Правда начала пугать! Правда стала мешать маленькому, мелкому душевному комфорту... Да черт с тем, что было... Самим бы выжить. Не вчера — сегодня...

Слишком короткой оказалась дистанция, по которой мы шли к прошлому, чтобы повлиять на будущее.

Слабеньким оказалось дыхание...

Ну, а потом, потом...

Взорванные синагоги — и молчание вождей.

Стрельба по парламенту — и восторженные зеваки на Кутузовском.

Облава на лиц «кавказской национальности» — и аплодисменты в партере.

(Во время одной из таких московских облав омовцы остановили моего приятеля-армянина. «А я не лицо кавказской национальности». — «А кто ты?» — «Еврей». — «Пожалуйста, проходите...» Ну, наша история...)

И наконец, Чечня, война, привычные цифры людских потерь, когда уже перестаешь считать эти цифры. И круги ада беженцев. Их одиссеи, сравнимые с той, что выпала герою Вольфганга Кёппена.

Часто думаю, зачем нужны такие книги, как эта? Зачем приучать себя читать то, что больно? Зачем не забывать?

Да затем, наверное, чтобы слова «мочить в сортире» не вызывали звериный восторг тех, кто разучился читать ТАКОЕ и об ЭТОМ.

И еще вот какая штука мелькнула сейчас в голове.

А может быть, не случайно — специально — лишь в начале девяностых Вольфганг Кёппен признался в авторстве? Может быть, поэтому была реанимирована та книга, изданная еще в 48-м, чтобы к концу века люди задумались о том, что нет, нет: то, что прошло, не обязательно исчезло безвозвратно?

Может быть, об этом думал мудрый немец?

Юрий Щекочихин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зима 1946 — 1947 годов в Германии, голод, временное пристанище на руинах. Главной валютой были сигареты. Я некурящий. Я не подбирал окурки. И был слишком неловок, чтобы промышлять на черном рынке. Но я пережил Гитлера и войну. Для меня это было чудом. Я надеялся снова стать самим собой, снова начать писать, вернуться к прежней жизни. И пользоваться свободой свободного писателя.

В одном стихотворении Франка Ведекинда есть строка: «Писатель мчит за гонораром в заношенных до дыр штанах». Это в нормальные времена. А тогда у писателей гонораров не было. Немецкие издатели ждали лицензии от оккупационных властей, чтобы опубликовать книгу, типографии ждали бумагу, распределяемую по непонятным правилам.

Но в любой ситуации находятся оптимисты. Некий книголюб, без специального образования, задумал стать издателем. Единственное, на что он мог положиться, так это на удачу.

Господин Клюгер, так его звали, потеряв все в Берлине, перебрался в Мюнхен. Приехал он с одним чемоданом. Сказал: «Сделаем книгу». И издательство было основано.

Вот к этому новому издателю и пришел человек из немецкого ада. Когда-то уважаемый

житель Мюнхена, владелец филателистического магазина с солидной международной репутацией, затем — перемещенное лицо, еврей, испытавший мучения в гетто и лагерях уничтожения, стоявший на пороге смерти и на краю рва, где уже лежали мертвые. Все это было совсем недавно.

Когда он вернулся в свой город, разрушенный бомбами его освободителей, ему показалось, что вокруг убийцы. Ему хотелось кричать, но крик застревал в горле. Он хотел говорить, но видел перед собой лица людей, одобрявших все, что происходило вокруг.

Я не принадлежу к тем, кто утверждает, будто ничего не знал. Ад был повсюду. Я сознавал свое бессилие. И разве кто-нибудь отваживался выйти на улицу и закричать? За спиной у каждого в те годы маячила смерть.

Еврей рассказывал новоиспеченному издателю, как Бог хранил его все это время. Издатель слушал, записывал названия мест и даты. Спасшийся искал писателя. Тогда издатель поведал мне эту невероятную историю. Она снилась мне ночами. Издатель спросил: «Напишешь об этом?»

Прошедший через издевательства и истязания человек стремился прочь, он уехал в Америку. Он пообещал мне гонорар, два продовольственных пайка каждый месяц.

Я ел американские консервы и писал историю страданий немецкого еврея. И тогда это стало моей историей.

Вольфганг Кёппен

1991

**ЗАПИСКИ
ЯКОБА ЛИТТНЕРА
ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ**

Нам довелось пережить великие дни, и я рад, что именно в Мюнхене в сентябре 1938-го планета обрела мир. Я тоже видел Гитлера и Муссолини, Даладье и Чемберлена. Разумеется, совсем издали. И все же мой оптимизм оправдался: войны удалось избежать.

Знакомый принес мне «Нойе Цюрхер цайтунг». Он сунул мне газету украдкой, словно боялся слежки. Во Франции, в Англии, в Америке раздаются крайне критические высказывания по поводу нашего мюнхенского пакта. В особенности в Англии нападают на Чемберлена, который, спускаясь по трапу самолета, прокричал своим соотечественникам прекрасные слова: «Отныне мир обеспечен на целое поколение!» Его обвиняют в излишней уступчивости немецкому канцлеру. Войну удалось предотвратить; конечно, теперь легко писать, что нужно было рискнуть и не бояться войны. От чьего имени говорят эти журналисты? От имени своих народов? Я не верю, что какой-нибудь народ в этом мире желает войны. Я не видел военного энтузиазма в Германии. По Карлсплац маршировали солдаты. Их не привет-

ствовали восторженными возгласами. В глазах людей был скорее страх, чем воодушевление, немой вопрос: неужели это все же случится и кто тогда выживет? Немцы в настоящий момент несомненно исполнены гордости и благодарности своему фюреру. А я полагаю, что появившаяся гарантия мира и новое дружеское единение народов облегчат и положение евреев в Германии; по крайней мере, пока не стоит ожидать дальнейшего ужесточения действий в отношении евреев.

Я написал о «положении евреев в Германии», и на бумаге эти слова вновь кажутся мне чуждыми и искусственными. Что это значит: положение евреев? Я не чувствую своей принадлежности к какой-то особой и чуждой группе немецкого народа. В течение пяти лет национал-социалистического господства из меня безуспешно пытались воспитать «расово сознательного» еврея. В 1933 году, когда все естественно сложившиеся отношения были подвергнуты проверке и исправлению в соответствии с категориями расовой теории, я обнаружил, что среди моих друзей и знакомых были почти исключительно неевреи, хотя я этого прежде как-то и не замечал. Некоторые из друзей за это время отвернулись от меня, еврея, другие же сохранили верность и по возможности проявляют по отношению ко мне еще более дружеское расположение, чем прежде. Сам же я считаю себя таким же человеком, как и все прочие. Я гражданин, на-

логоплательщик, я люблю определенный комфорт, я не преступник. Вся эта пропаганда, клеймящая меня как представителя определенной разновидности человеческого рода, к которой я принадлежу по факту рождения, несомненно представляет собой чудовищное заблуждение.

Вот так сюрприз! Я не могу удержаться от смеха, когда вспоминаю, как мы все всполошились. И Криста тоже задыхалась от волнения, когда звала меня к телефону. Правительственный звонок из Берлина! Телефонистка то и дело кричала: «Повторите ваш номер!» Звонили из рейхсканцелярии. Провода так и гудели от бесконечного «Хайль Гитлер!» — а я и не знал, что ответить. Мне ведь нельзя такое произносить! Наконец я услышал раскатистое баварское: «Здорово, Якль, это ты?» — и облегченно вздохнул. Это, оказывается, обергруппенфюрер Шрек звонил мне из Берлина. Он хороший и верный клиент. Он часто заходил в мой магазин, и я постоянно откладывал для него новинки. В последние годы, когда я порой расстраивался из-за антисемитизма, он всегда успокаивал: «Да брось, Якль, тебя мы не тронем!»

Было еще темно, когда в дверь позвонили. Я проснулся и увидел, что было еще только пять часов. Мне сразу стало понятно, что меня ждет что-то

ужасное. Уже давно поговаривают, что примерно в это время людей «забирают». Я в эти слухи не верил. Но теперь, когда в спальном доме мой старый дверной звонок зазвучал с такой странной и чуждой пронзительностью, мне стало ясно: это правда, это так, это они! Я бросился к двери, словно хотел задушить тревожащий звонок. Как будто я стыдился перед спящим домом этого звука, извещающего: пришли за воров. Конечно, и страх тоже гнал меня к двери, панический, неизвестный ранее страх, гнал, словно навстречу избавлению, ведь неизбежное должно свершиться как можно скорее, чтобы стать прошлым. Мои босые ноги мчались по ковру, будто это был тонкий, уходящий под воду лед. Я вцепился в дверную ручку и случайно увидел себя в зеркале стоявшего в коридоре гардероба: толстый, задыхающийся мужчина в слишком короткой сорочке. Я увидел себя таким, каким никогда не видел: ожидающим беды, обездоленным, сломленным. Моя квартира, символ моего обывательского благополучия, словно распадалась у меня на глазах, и налетевшая буря выметала меня в незащищенное пространство, может быть в истинную жизнь, а все прежнее оказывалось иллюзией — надежное дело, торговля почтовыми марками, регистр торговой палаты, налоговый номер, почетные права гражданина. Звонок прозвонил — и мой час пробил. Я поверил во все слухи. Страх, который я пять лет подавлял в себе, бесконечно повторяя «это невозможно, это неправда, со мной этого не